

На основании всего вышесказанного мы предлагаем отнести набросок «О Нечаеве» к июню 1870 г. (хотя, строго говоря, датировка наброска остается все же спорной и не проясненной до конца). Характеристика героя в нем отчасти близка к весенним и летним записям того же года, но большинство пунктов, рассмотренных выше, указывает на лето (в частности, на июнь) 1870 г. как на наиболее вероятную дату, к которой его можно хронологически приурочить.

Мы предложили бы гипотетически поместить набросок сразу после с. 24 тетради III (11, 173: середина июня 1870 г.). В данном случае учитывается и то, что после 23 июня автор занимается в основном разработкой образа Князя и до августа оставляет на время Нечаева в стороне.

Подтверждение нашего предположения о датировке открыло бы перед нами возможность более отчетливо обрисовать ход развития образа будущего Петра Верховенского от «Нечаева-Базарова» к «Нечаеву-Хлестакову», о чем мы говорили выше. Вместе с тем оно, если его принять, помогло бы исследователям выяснить, как развивались авторские взгляды на «новейших радикалов» в процессе написания романа. Все это остается задачей нашего будущего изучения.⁴³

Л. И. САРАСКИНА

О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ЭПИЗОДА ИЗ РОМАНА «БЕСЫ»

«Однажды, еще при первых слухах об освобождении крестьян, когда вся Россия вдруг взликовала и готовилась вся возродиться, посетил Варвару Петровну один проезжий петербургский барон, человек с самыми высокими связями и стоявший весьма близко у дела» (10, 16).

Посещение Варвары Петровны Ставрогиной петербургским бароном из высшего света не самое, разумеется, главное или памятное событие романа «Бесы»; тем не менее и оно занимает определенное место в общей хронологии этого произведения.

В комментариях к процитированному отрывку в т. 10 Полного собрания сочинений Достоевского говорится: «Стр. 16. ... при первых слухах об освобождении крестьян ... — Слухи о намерении правительства освободить крестьян не раз возникали в обществе начала 1840-х годов» (12, 280). Исходя из этого, следует, видимо, предположить, что Варвара Петровна Ставрогина

⁴³ Предлагаемое сообщение — итог моей стажировки в Советском Союзе в 1983—1984 гг. на основе соглашения об обмене деятелями науки между Японией и СССР. Приношу самую глубокую признательность докторам филол. наук Г. М. Фридлендеру и У. А. Гуральнику, а также всем коллегам, оказавшим неоценимую помощь в моей работе, в частности Н. Ф. Будановой.

принимала у себя высокого гостя именно в начале 40-х годов — предположительно в 1841 или 1842 г.

Однако такая датировка эпизода явно противоречит внутренней хронологии романа. Из текста явствует, что визит барона пришелся ко времени, когда «связи ее (Варвары Петровны. — Л. С.) в обществе высшем, по смерти ее супруга, всё более и более ослабевали, под конец и совсем прекратились», и именно поэтому «Варвара Петровна чрезвычайно ценила подобные посещения» (10, 16). Но ведь немного ниже совершенно определенно указана дата смерти генерала Ставрогина — май 1855 г. Значит, этот памятный для Варвары Петровны визит происходит спустя какое-то время после смерти ее мужа, т. е. после мая 1855 г.

Как указывается в тексте, во время пребывания барона у Варвары Петровны (барон просидел у нее час) здесь же находился и Степан Трофимович, которого генеральша «пригласила и выставила» (10, 16). Однако если дело происходит в начале 40-х годов, Степан Трофимович Верховенский никак не мог находиться в имении Ставрогиной: в это время он не был еще воспитателем генеральского сына Николая Всеволодовича и пребывал за границей, был женат первым браком и только что стал отцом — в 1842 г. родился его сын, Петр Степанович Верховенский. Сам Степан Трофимович вернулся в Россию только в 1849 г. и после неудавшейся карьеры в университете согласился с предложением (повторным, первое было двумя годами раньше) генеральши Ставрогиной «принять на себя воспитание и всё умственное развитие ее единственного сына» (10, 10). Таким образом, место воспитателя было занято Степаном Трофимовичем только в 1849 г., и с этого времени, в течение двадцати лет, он жил в доме генеральши.

Далее. К моменту визита барона Степан Трофимович был — в глазах генеральши Ставрогиной — знаменитостью: она его «выставила», а сам барон «о нем кое-что даже слышал и прежде...» (10, 16). Но к началу 40-х годов Степан Трофимович еще не успел совершить ничего замечательного: в 1842 г. ему было всего 26 лет, и еще только через год, в 1843 г., когда ему исполнится 27 лет (возраст Петра Верховенского, Шатова, Кириллова на момент действия романа «Бесы» — 1869 г.), он напишет поэму-аллегорию, которую сочтут опасной шесть лет спустя, в 1849 г., и поэма Степана Трофимовича «будет схвачена в Москве» как раз тогда, когда в Петербурге «будет отыскано противогосударственное общество», т. е. произведен арест петрашевцев.

Итак, в связи с вопросом о датировке эпизода посещения барона достоверными можно считать по крайней мере две даты: 1849 год — когда возвратился из-за границы Степан Трофимович Верховенский, и 1855 год (май) — когда в Скворешники пришло известие о кончине генерала Ставрогина. Как мы показали, этот эпизод не мог быть ни ранее 1855 г., ни тем более ранее 1849 г.

Должно было пройти какое-то время после смерти мужа Варвары Петровны, чтобы «ослабели» и «совсем прекратились» связи ее в высшем обществе. И, однако, судить о точной дате посещения барона мы можем отнюдь не только по косвенным признакам. Как всегда, когда речь идет о хронологии, Достоевский безупречно точен.

В исследуемом отрывке текста есть еще одно чрезвычайно ценное указание на время интересующего нас эпизода. Как мы помним, несдержанное поведение Степана Трофимовича в присутствии барона — восторженная жестикуляция и возглас «ура» в ответ на новость о великой реформе, сообщенную гостем, — навлекли на него гнев Варвары Петровны: «Возвратясь в гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то как бы отыскивая на столе; но вдруг обернулась к Степану Трофимовичу и, бледная, со сверкающими глазами, процедила шепотом: „Я вам этого никогда не забуду!“» (10, 17). С другой стороны, нам известно от Хроникера, что «только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: „Я вам этого никогда не забуду!“» и что случай с бароном был уже второй случай; первый же произошел как раз в мае 1855 г., когда недавняя вдова так обманулась в своем друге Степане Трофимовиче. Таким образом, первый раз Варвара Петровна попрекает его в 1855 г., второй раз — в день посещения барона, спустя некоторое время после смерти мужа. Но когда же именно? И вот разгадка. Читаем в этом же отрывке о бароне: «На другой день она встретила со своим другом как ни в чем не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лет спустя, в одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и так же точно побледнела, как и тринадцать лет назад, когда в первый раз попрекала» (10, 17). Значит, после случая с бароном, тринадцать лет спустя, должен был произойти еще один подобный эпизод, «трагическая минута», когда Варвара Петровна вспоминает все свои прежние обиды. И этот эпизод должен относиться уже не к предыстории романа-хроники, а к самой хронике. Мы находим такой эпизод в «Бесах». К умирающему на случайном постоялом дворе Степану Трофимовичу приезжает Варвара Петровна, и настает эта «трагическая минута». Она выговаривает, выкрикивает все, что у нее накопилось за двадцать лет: «Сигарку, вечером, у окна... месяц светил... после беседки... в Скворешниках? Помнишь ли, помнишь ли, — вскочила она с места, схватив за оба угла его подушку и потрясая ее вместе с головой. — Помнишь ли, пустой, пустой, бесславный, малодушный, вечно, вечно пустой человек! — шипела она своим яростным шепотом, удерживаясь от крику» (10, 502). В этот — последний — их разговор Варвара Петровна припомнила и первый случай, когда обманулась она в своих ожиданиях и надеждах на брак с Верховенским, и второй случай, когда она гневалась на оскорбительное легкомыслие Степана Трофимовича в присутствии высокого гостя. Значит, случай с бароном, о котором рассказывает

Хроникер, произошел за тринадцать лет до последнего путешествия Степана Трофимовича, когда Варвара Петровна третий и последний раз упрекала своего друга.

Если учесть, что события романа происходят в сентябре—октябре 1869 г., то посещение барона приходится на осень 1856 г., т. е. спустя год с небольшим после смерти генерала Ставрогина. Помимо того, что эта дата полностью согласуется с внутренней хронологией романа, она более точно соответствует и историческому фону событий, отраженных в предыстории «Бесов».

Слухи об освобождении крестьян действительно возникали в русском обществе еще в начале 1840-х гг. — здесь с комментарием нельзя не согласиться. Однако может ли применительно к этому периоду относиться характеристика: «...Россия вдруг взликовала и готовилась вся возродиться»?

«В начале царствования, под влиянием движения 14 декабря, в крестьянском населении распространились слухи о скором освобождении, — пишет В. О. Ключевский. — Чтобы прекратить их, новый император издал манифест, в котором прямо заявил, что в положении крестьян не будет сделано никакой перемены, но при этом секретно было внушено через губернаторов помещикам, чтобы они соблюдали законное и христианское обращение с крестьянами».¹ Разработка крестьянского вопроса во все продолжение царствования Николая I велась в обстановке секретной или «весьма секретной». И даже те частичные меры по облегчению участи крепостных крестьян, которые были приняты при Николае I, очень редко исполнялись. Царская бюрократия Николая I, по остроумному замечанию Ключевского, «представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, изданные высшей властью».² Как видим, вряд ли 1840-е годы — время ликования и возрождения, время великих реформ, даже если говорить только о крестьянском вопросе. Тем более — это не время реального дела, возле которого мог находиться проезжий петербургский барон «весьма близко».

Другое дело — после 19 февраля 1855 г., когда на престол вступил новый император. Уже в марте 1856 г. Александр II «принял московского губернского предводителя дворянства князя Щербатова с уездными предводителями и вот что приблизительно сказал им: „Между вами распространился слух, что я хочу отменить крепостное право; я не имею намерения сделать это теперь, но вы сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Скажите это своим дворянам, чтобы они подумали, как это сделать“. Эти слова как громом поразили слушателей».³

¹ Ключевский В. О. Соч.: В 8-ми т. М., 1958, т. 5, с. 272.

² Там же, с. 281.

³ Там же, с. 289.

Собственно, после этого заявления царя и начались подготовительные работы, которые привели к Положению 19 февраля 1861 г.

Осенью 1856 г. петербургский барон из высшего света вполне мог находиться «близко у дела».

В. А. В И К Т О Р О В И Ч

К ИСТОРИИ ОДНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ В «ГРАЖДАНИНЕ»
1873 г.

В Полном собрании сочинений Достоевского опубликовано редакционное объявление о прекращении издания журнала «Гражданин» «вследствие непредвиденного обстоятельства» (21, 277). Как справедливо указывается в комментарии (см.: 21, 530), объявление может быть датировано с помощью следующего воспоминания Н. Н. Страхова: «Около святой (пасха начиналась в 1873 г. с 8 апреля. — В. В.), мне помнится, произошла в кружке „Гражданина“ большая тревога; говорили, что издание невозможно продолжать, и Федор Михайлович был некоторое время в большом беспокойстве».¹ Косвенным подтверждением датировки объявления началом апреля 1873 г. может служить то, что 9 апреля 1873 г. не вышел очередной номер «Гражданина» (через неделю вышел сдвоенный номер), что совсем не обычно при той «величайшей заботливости», по словам того же Страхова, с какою относился тогда к изданию его редактор, Достоевский.

Указанное объявление в «Гражданине» напечатано не было, а вместо него в № 19 от 7 мая 1873 г. появилось другое, где опровергались «слухи» о прекращении издания (21, 280).

В чем причина обстоятельства, которое должно было действительно не на шутку взволновать Достоевского; закрывалось издание, едва он стал его редактором?²

В комментариях в академическом собрании сочинений Достоевского высказано предположение, что опасения редакции «были вызваны обвинительным актом Петербургского окружного суда от 2 апреля 1873 г. по поводу опубликования в „Гражданине“ без разрешения министра двора высказывания Алек-

¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 299.

² Как болезненно реагировал Достоевский на такую ситуацию, задевавшую его честь литератора, можно представить, если вспомнить, что через год, не будучи уже редактором «Гражданина», он писал жене 6 июня 1874 г.: «Князь (Мещерский. — В. В.) говорил мне à parte, что он совершенно не знает, как быть с „Гражданином“, денег на издание нет и никто ему в долг не дает. Боюсь ужасно, чтоб, если прекратится издание, не коснулся как-нибудь меня расчет с подписчиками (т. е. я не просто боюсь, что Князь не заплатит, а что, на первый случай, выйдет какой-нибудь скандал и заденут мое имя в печати)» (П., III, 99).